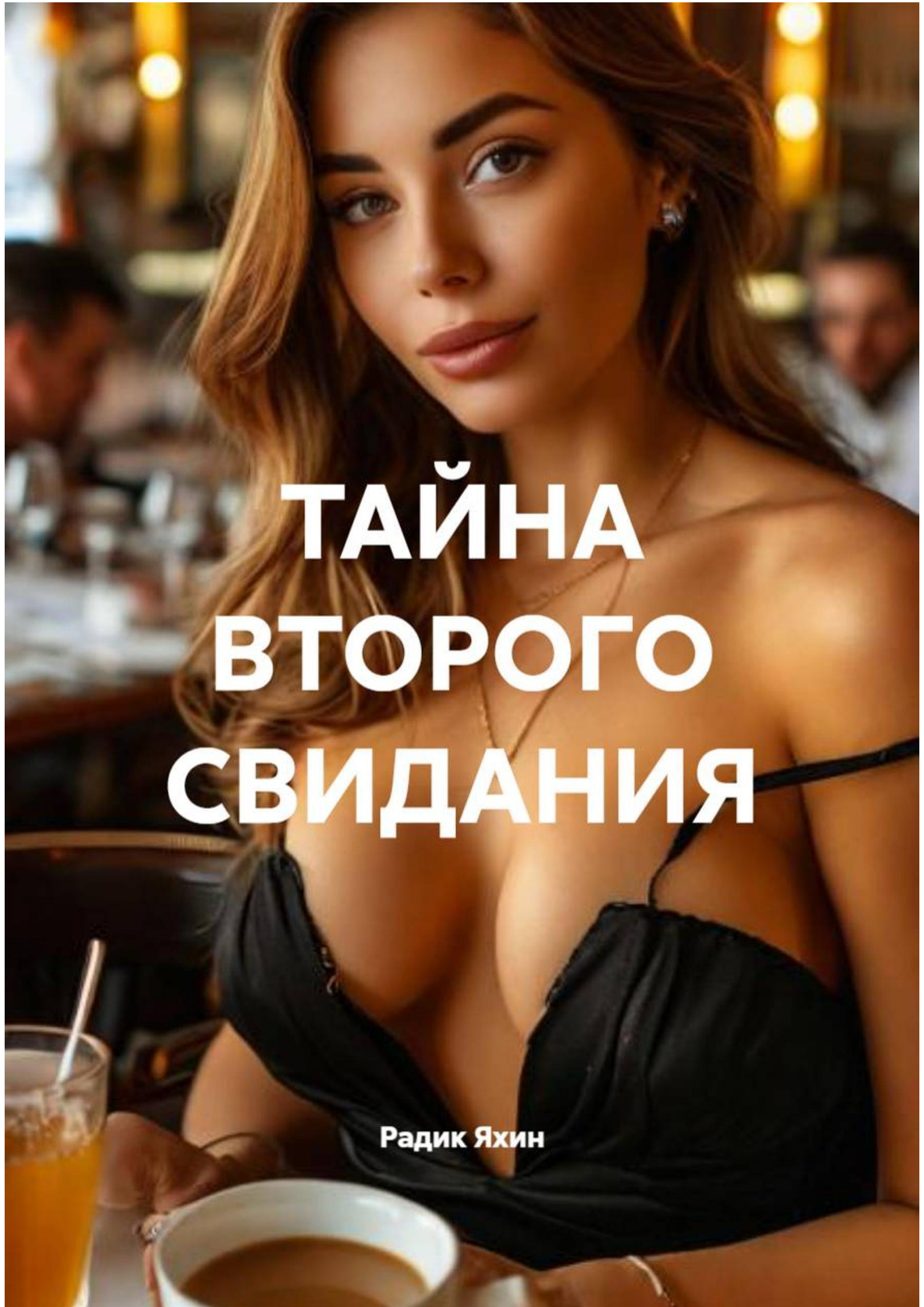

ТАЙНА ВТОРОГО СВИДАНИЯ

Радик Яхин

Радик Яхин

ТАЙНА ВТОРОГО СВИДАНИЯ

«Автор»

2026

Яхин Р. С.

ТАЙНА ВТОРОГО СВИДАНИЯ / Р. С. Яхин — «Автор», 2026

Приготовьтесь к встрече с судьбой. Это история о двух людях, чьи жизни были predeterminedены пересечься, несмотря на все препятствия. История о том, как любовь может изменить направление жизни, привести к неожиданным открытиям и показать, что некоторые встречи просто неизбежны.

© Яхин Р. С., 2026

© Автор, 2026

Радик Яхин

ТАЙНА ВТОРОГО СВИДАНИЯ

Дождь начался внезапно, превратив осеннюю Москву в размытую акварель за окнами кофейни «Эспresso». Вероника прижала ладонь к холодному стеклу, наблюдая, как капли стекают причудливыми дорожками. Она всегда любила дождь – он скрывал суету города, делал его тише, интимнее. Сегодняшняя встреча была важной: потенциальный клиент для её маленького агентства по организации событий. Но клиент опаздывал уже на двадцать минут. Вероника вздохнула и отхлебнула латте, который успел остыть. В этот момент дверь кофейни распахнулась, выпустив порцию влажного холодного воздуха и... его. Мужчина лет тридцати пяти, с темными, слегка выющимися от сырости волосами и острыми скулами. Он отряхнул капли с кожаной куртки и оглядел зал. Его взгляд, серый и пронзительный, как сам октябрьский день, скользнул по столикам и на секунду задержался на Веронике. Не на её аккуратно сложенному портфолио на столе, а именно на её лице. Она почувствовала, как по спине пробежали мурашки – не от страха, а от странного, почти физического ощущения узнавания. Он сделал шаг в её сторону, и сердце Вероники забилось чаще. «Успокойся, – мысленно одернула она себя. – Это просто клиент. Или вообще чужой человек». Но мужчина прошел мимо, заняв столик у окна в двух шагах от неё. Достал ноутбук, но не открывал его, а смотрел в дождь. Вероника невольно изучала его профиль: сосредоточенный, немного уставший. На мизинце левой руки – тонкий серебряный ободок, не похожий на обручальное кольцо. Клиент так и не пришёл. Через полчаса на телефон Вероники пришло извинительное сообщение о переносе встречи. Она собрала вещи, уже испытывая досадное разочарование – не из-за сорванной сделки, а потому что придется уйти из этой кофейни, из этого пространства, где сидел незнакомец. Поднимаясь, она задела локтем свою чашку. Остатки латте рекой выплеснулись на стол и каплями упали на пол. Вероника ахнула, хватая салфетки. В этот момент рядом возникла тень. Он протянул ей плотную бумажную салфетку из диспенсера у стойки. «Разрушительное настроение у напитка», – сказал он спокойно. Голос был низким, чуть хриловатым, как будто он давно не разговаривал. Вероника подняла глаза и снова встретила с этим серым взглядом. Теперь, вблизи, она разглядела в нем золотистые вкрапления вокруг зрачков. «Да, прямо-таки террорист», – выпалила она, краснея от собственной глупости. Уголки его губ дрогнули в подобии улыбки. «Артём», – представился он просто. «Вероника», – ответила она, начиная вытирать лужу. «Могу я купить вам новый? Чтобы загладить вину дождя и разлитых напитков?» – спросил он. Это была не ухаживание. Это было предложение о перемирии с неудачным днём. Вероника колебалась секунду. «Только если это будет капучино. С корицей». Он кивнул и направился к стойке. Так началось их первое свидание, которого не должно было быть. Они просидели три часа, разговаривая обо всём и ни о чём: о книгах Туве Янссон, о лучшем способе готовить гречку, о том, почему памятник Петру I на Москве-реке до сих пор вызывает споры. Артём оказался реставратором старинных книг, работал в одной из крупных библиотек. У него были мозолистые, но удивительно аккуратные пальцы. Он говорил о бумаге, чернилах и переплетах с такой нежностью, словно описывал живых существ. Вероника рассказывала о своей работе – превращении обычных дней в праздники. Они смеялись. Дождь за окном не прекращался, но внутри кофейни стало тепло и светло. Когда они наконец вышли на улицу, было уже темно. Фонари отражались в мокром асфальте, растягиваясь в бесконечные золотые цепочки. «Я проводил вас?» – спросил Артём. Вероника кивнула. Они шли под одним зонтом, и её плечо иногда касалось его руки. Она чувствовала исходящее от него спокойствие, словно он был скалой в этом потоке мокрого города. У подъезда её дома они остановились. «Спасибо за капучино. И за компанию», – сказала Вероника. «Это мне спасибо», – ответил Артём. Он смотрел на неё так, будто пытался запомнить каждую черту. «Увидимся?» – выдохнула она,

ненавидя в себе эту неуверенность. «Обязательно», – сказал он твердо. «Завтра? В семь? Здесь же?» Он кивнул. Наклонился и мягко, почти несмело, поцеловал её в щеку. Его губы были прохладными от ветра. «До завтра, Вероника». Он ушел, и его фигура растворилась в дождевой пелене. Вероника поднялась в квартиру, прислонилась к двери и зажмурилась. В груди пело что-то светлое и тревожное одновременно. Она не знала, что это второе свидание, на которое они договорились, станет для неё загадкой, меняющей всю жизнь. Она ещё не знала, что завтра Артём не придёт.

Следующий день выдался на удивление ясным и солнечным. Вероника выбрала платье цвета морской волны – Артём вчера случайно обмолвился, что это его любимый оттенок. Она пришла в кофейню без десяти семь, заняла тот же столик и заказала два капучино. Семь часов. Артёма нет. «Наверное, задерживается», – подумала она, отвлекаясь на экран телефона. Ни звонков, ни сообщений. В семь двадцать её терпение лопнуло, и она набрала номер, который он оставил. Абонент недоступен. Восемь. Кофе остыл, образовав на поверхности неаппетитную пенку. Вероника чувствовала, как знакомое тепло вчерашнего вечера сменяется ледящим недоумением. Может, она что-то не так поняла? Может, он имел в виду не здесь, а где-то ещё? Но нет, договоренность была четкой. Она прождала до девяти, затем, сгорая от стыда и обиды, вышла на улицу. Вечер был прекрасен, но для неё он померк. «Вот дура, – шипел внутренний голос. – Знакомства в кофейнях, одна ночь разговоров, и ты уже строишь воздушные замки». Она решила пройтись пешком, чтобы проветрить голову. Ноги сами понесли её к Москве-реке, к Патриаршему мосту. Место было им незнакомое, вчера они о нём не говорили, но сейчас тянуло к воде, к простору. На мосту было немногочисленно. Она остановилась у перил, глядя на отсветы огней в темной воде. Сердце ныло от глупой, детской обиды. Вдруг её взгляд упал на перила, точнее, на одно конкретное место. На деревянной балке, чуть выше уровня глаз, была вырезана надпись. Не свежая, царапины уже потемнели от времени, но читалась четко: «Вероника + Артём. 17.10.2020. Навсегда». Мир перевернулся. Кровь отхлынула от лица, затем прилила с новой силой. Это была её дата. И её имя. И его имя. Но 2020 год был три года назад. Они вчера только познакомились. Она провела пальцами по вырезанным буквам. Дерево было гладким, будто надпись часто трогали. Это не могло быть совпадением. Слишком редкое имя. Слишком странная дата – сегодня как раз было 17 октября 2023 года. Она оглянулась по сторонам, ища хоть какую-то логику, хоть какую-то зацепку. Под мостом, на набережной, она заметила фигуру. Высокую, в кожаной куртке. Артём. Он стоял спиной к реке, смотря куда-то в сторону храма Христа Спасителя. Вероника, не раздумывая, почти побежала по мосту вниз, на набережную. Подбежав к нему сзади, она схватила его за рукав. «Артём!» Он обернулся. На его лице не было ни удивления, ни радости. Только глубокая, всепоглощающая печаль. «Ты пришёл, – выдохнула Вероника. – Но не туда. И почему твой телефон... И эта надпись... Что происходит?» Артём посмотрел на неё, и в его глазах она увидела муку. «Я не мог прийти в кофейню, Вероника. Потому что мы уже были там. Три года назад. Именно в тот день, 17 октября 2020 года, мы с тобой встретились впервые. И именно сегодня, три года спустя, мы должны были прийти сюда, на этот мост, чтобы вырезать эту надпись. Только ты этого не помнишь». Вероника отшатнулась. «Что ты несешь? Я вчера тебя впервые увидела! Мы вчера познакомились!» «Для тебя – вчера, – тихо сказал Артём. – Для меня прошло три года. Три года с того дня, как ты исчезла из моей жизни после нашей второй встречи». Он говорил так убедительно, с такой болью, что у Вероники похолодело внутри. «Я не понимаю...» «Я тоже не до конца понимаю, – признался он. – Но вчера, когда я увидел тебя в кофейне, ты смотрела на меня глазами незнакомки. Ты не узнала меня. Для тебя это было впервые. Я сыграл эту игру. Я подошел, как к незнакомой женщине. Потому что не мог иначе. Потому что я искал тебя все эти годы, а ты... ты просто жила, не помня меня». Вероника чувствовала, как земля уходит из-под ног. «И что же случилось тогда? После второго свидания?»

Артём помолчал, глядя на воду. «Мы договорились встретиться здесь, на мосту, ровно через неделю после нашего знакомства. Ты пришла. Мы вырезали эту надпись. А потом... потом ты пошла проводить меня до метро. И на той стороне улицы, у подземного перехода, ты... ты отстала на секунду. Я обернулся, тебя не было. Ты исчезла. Без следа. Никаких камер, никаких свидетелей. Ты просто растворилась в воздухе. А на следующее утро я проснулся один. И все вокруг – твои друзья, твои коллеги, даже твоя мать – говорили, что не знают никакой Вероники, связанной со мной. Что ты всё это время жила обычной жизнью, но той, в которой меня не существовало». Вероника слушала, и в её памяти что-то шевельнулось. Словно далекое эхо. Обрывок чувства. Острая тоска по чему-то утраченному, которую она всегда списывала на душевную метеозависимость. «Почему я должна тебе верить?» – прошептала она. Артём достал из внутреннего кармана куртки потертый бумажный квадратик. Это была фотография, распечатанная на домашнем принтере, с заломленными уголками. На ней они вдвоем, здесь, на мосту. Моложе, счастливее. Она прижималась к его плечу, смеясь. На её пальце блестело тонкое кольцо – точно такое же серебряное, как то, что было сейчас на мизинце Артёма. Это было его кольцо. Вероника подняла глаза на его руку. Ободок на мизинце... это была не просто безделушка. Это было парное кольцо. «Как...» – начала она. «Я носил его все эти годы. Как единственное доказательство, что я не сошёл с ума», – сказал Артём. Ветер с реки взметнул её волосы. И в этот момент, глядя в его глаза, полные немой мольбы и любви, которую она не могла вспомнить, Вероника почувствовала не разумом, а всем существом: он говорит правду. Какая-то часть её души узнавала его. Не вчерашнего незнакомца из кофейни, а того мужчину с фотографии. Того, с кем она была «навсегда». Она медленно протянула руку и коснулась его щеки. Он замер, будка боялся спугнуть этот миг. «Я не помню, – сказала она тихо. – Но я верю. Сердцу». Артём закрыл глаза, прижав её ладонь к своей коже. Потом открыл их. И впервые за этот вечер – нет, за все три года – в его взгляде появилась надежда. «Что же нам теперь делать?» – спросила Вероника. «Начать всё сначала, – ответил он. – И на этот раз разгадать тайну. Тайну того, что случилось с тобой после нашего второго свидания. Потому что кто-то или что-то стерло тебя из моей жизни. И нам нужно узнать – кто и почему». Он наклонился, и на этот раз его поцелуй коснулся не щеки, а губ. Он был вкусом слез, осени и потерянного времени. Но в нем была и сила обещания. Первый поцелуй на мосту, который, как она теперь понимала, был на самом деле вторым в её жизни. Или... каким по счету? Они стояли, обнявшись, под холодным октябрьским небом, а над ними, на перилах моста, темнели буквы, вырезанные в прошлом, которое одна из них забыла, а другой не смог забыть никогда.

Они сидели в маленькой квартире Артёма на Пятницкой. Комната была заставлена стеллажами с книгами, папками, инструментами реставратора. Пахло старым пергаментом, клеем и кофе. Вероника сжимала в руках кружку с чаем, пытаясь осмыслить водоворот событий. Артём методично, как следователь, выкладывал перед ней доказательства. Помимо фотографии, были билеты в кино на два места (её имя было написано на обороте его рукой), сломанная заколка, которую, по его словам, она оставила у него, и самое главное – толстый блокнот в кожаном переплете. «Это мой дневник. Точнее, наш. Я начал вести его после твоего исчезновения. Записывал всё, что помнил о наших двух встречах. Каждое слово. Каждый взгляд». Вероника открыла блокнот. На первой странице был нарисован карандашный портрет. Она. Улыбающаяся. «Ты рисуешь?» – удивилась она. «Раньше нет. Научился за эти годы. Чтобы не забыть твое лицо». Она листала страницы, исписанные ровным, плотным почерком. Описание её платья (голубое, в мелкий белый горошек), её любимой песни (что-то старое, «Кино»), как она морщила нос, смеясь. Читала и чувствовала, как в памяти всплывают обрывки, словно её мозг пытается собрать пазл из осколков зеркала. «Вот здесь, – Артём перелистнул ближе к концу. – Последняя запись. О нашем втором свидании. Мы встретились у метро «Кропоткинская», пошли гулять, пришли на мост. Ты сказала, что хочешь оставить след в истории

города. Мы вырезали надпись. Потом...» Он замялся. «Потом я предложил пойти ко мне. В первый раз. Ты согласилась, но сказала, что тебе нужно зайти домой за чем-то. Мы решили, что я пойду вперёд, приготовлю ужин, а ты приедешь через час. Я пошёл к себе. Ждал. Ты не приехала. Не брала трубку. В два часа ночи я пошел к тебе домой. Мне открыла твоя соседка, пожилая женщина. Она сказала, что Вероника Никитина живет здесь одна и, наверное, спит. Что она никуда не выходила вечером. Я назвал себя. Соседка посмотрела на меня как на сумасшедшего. Сказала, что ты ни с кем не встречаешься, много работаешь. Я начал звонить тебе в дверь. Ты открыла. Ты была в халате, сонная. И смотрела на меня пустыми, невидящими глазами. Спросила: «Вы кто?» Вероника слушала, и по её спине пробежал холодок. «А что было со мной? Как я вела себя дальше?» «Ты извинилась, сказала, что, наверное, я ошибся дверью, и закрыла её. На следующий день я пришел в твое агентство. Ты проводила там презентацию. Увидев меня, ты кивнула вежливо, как незнакомому клиенту. Твой начальник (тогда он был твоим начальником) сказал мне, что Вероника – их лучший сотрудник, но личная жизнь её не интересует, и попросил не беспокоить тебя. Я понял, что со мной что-то не так. Или с тобой. Или с миром». Он замолчал, глядя в пустоту. «Я обратился к врачам. Психологам. Думал, у меня галлюцинации, ложные воспоминания. Но анализы были в норме. А эта фотография, кольцо... они были реальными. Я стал следить за тобой. На расстоянии. Видел, как ты живешь, работаешь, встречаешься с друзьями. Ты была... обычной. Счастливой? Не знаю. Но точно – не помнящей меня. Я смирился. Решил, что это какая-то амнезия, травма, и мне нужно оставить тебя в покое. До вчерашнего дня. Когда я зашел в ту кофейню просто потому, что мне было больно, и я хотел быть там, где мы встретились. И увидел тебя. И ты смотрела на меня так... так по-новому». Вероника встала, подошла к окну. За ним кипела вечерняя Москва. «Значит, кто-то или что-то стерло тебя из моей памяти. Избирательно. Только тебя. Почему?» «Возможно, ответ кроется в том, что произошло в тот час, когда ты шла от моста ко мне домой», – предположил Артём. «Но я же не дошла. Значит, что-то случилось по пути. Что-то, что заставило меня... забыть? Или меня заставили забыть». Она обернулась к нему. «Нужно восстановить тот маршрут. Прямо сейчас». Артём покачал головой. «Сейчас ночь. И за три года многое могло измениться. Давай начнем завтра. С чистого листа. А сегодня...» Он подошел к ней. «Сегодня просто побудь со мной. Даже если не помнишь. Давай начнем заново. С третьего свидания». Он улыбнулся, и в этой улыбке было столько боли и надежды, что Вероника не смогла отказать. Они провели вечер, разговаривая. Вероника расспрашивала о его работе, он – о её жизни за эти три года. Она рассказывала, и Артём иногда добавлял: «А помнишь, ты тогда тоже любила этот фильм?» И она ловила себя на том, что да, любила, но как будто это знание пришло откуда-то извне. Поздно ночью она собралась уходить. Артём не стал удерживать. «Я провожу тебя». На улице было тихо. Они шли, держась за руки. И в этом простом жесте была странная естественность, как будто их руки помнили друг друга. У её подъезда Артём снова поцеловал её. «До завтра, Вероника. На этот раз я приду». «Я знаю», – ответила она. И, поднимаясь по лестнице, поймала себя на мысли, что это «знаю» прозвучало не как надежда, а как знание. Как будто какая-то часть её уже верила в эту безумную историю. Дома она долго стояла под душем, пытаясь смыть с себя ощущение нереальности. Вытираясь, она взглянула на свое отражение в зеркале. И вдруг её взгляд упал на маленькое, едва заметное пятнышко на коже, чуть выше ключицы. Крошечное, похожее на след от укола. Она всегда думала, что это родинка или последствие какой-то старой царапины. Но сейчас, при ярком свете, она рассмотрела: это был идеально ровный круглый шрам. Как от инъекции. Она прикоснулась к нему пальцами. И в тот же миг в голове пронеслась вспышка. Яркий свет фар. Резкий звук тормозов. Чье-то лицо, склонившееся над ней. Голос: «Она не та? Проверь еще раз». Затем темнота. Вспышка длилась доли секунды, но была такой яркой и реальной, что Вероника отшатнулась от зеркала, прислонившись к холодной кафельной стене. Сердце колотилось как сумасшедшее. Что это было? Обрывок памяти? Или плод её воспаленного воображения? Она оделась и села на кро-

вать, дрожа. Теперь она знала наверняка: Артём говорил правду. С ней что-то случилось. И это «что-то» было связано с машиной, с аварией... или с чем-то похуже. Она посмотрела на часы. Было три ночи. Завтра, нет, уже сегодня, им предстояло пройти по тому маршруту. И, возможно, найти ответы. Ответы, которые могли быть опасными. Но теперь отступать было нельзя. Потому что она вспомнила не памятью, а душой. Вспомнила, что любила этого человека. И, кажется, всё ещё любила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.